

EHRI Online Course in Holocaust Studies

USHMM, RG-31.018M, reel 1, copy from HDA SBU, 5-43555, ark. 42–43; 44–53, 79–79zv; 129–129zv.

The Holocaust in Ukraine – Auxiliary Administration and Police

Transcription: Former Policeman Vasyl Pokotylo is Questioned by Soviet Interrogators about His Activities in Kiev, is Allowed to Retract Some Statements, and is Sentenced to Death, March–September 1945

[C09-A]

[ark. 9:]

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО.

1. **Фамилия:** Покотило
2. **Имя и отчество:** Василий Федорович
3. **Год рождения:** 1914 года
4. **Место рождения:** город Киев, Киевской области
5. **Место жительства:** без определенного места жительства
6. **Национальность и гражданство:** Украинец, гр-н СССР
7. **Паспорт:** не имеет
8. **Профессия и специальность:** электромонтер
9. **Род занятия:** Рядовой 239 АЗСП¹
10. **Социально происхождение:** из служащих
11. **Социальное положение:** **до революции:** –
После революции: рабочий
12. **Образование:** средне-техническое
13. **Партийность:** беспартийный
14. **Категория военного учета:** Военнослужащие
15. **Служба в белых и др. к-р. армиях:** не служил
16. **Участие в бандах и др. к-р. организациях:** не участвовал
17. **Участие в боях с немецко-фашистскими войсками:** принимал будучи в [illegible]ском отряде
18. **Был ли в плену или окружении противника:** не был
19. **Состав семьи:** мать Кней–Покотило Ефросинья Григорьевна, проживает в городе Киеве, по улице Кудрявской, дом №4 - домохозяйка. Жена Покотило Анастасия Ивановна[,] 1932 года рождения, проживает в селе Велико-Ломница – /Словакия/ без определенных занятий. Сын Федор – 2 года, на иждивении жены. Братья: Покотило Михаил Федорович[,] 1906 года рожд.[,] проживает в городе Харькове, работает [illegible] в театре имени Шевченко. Покотило Владимир Федорович, в Красной Армии с 1933 года. Сестра Покотило Антонина Федоровна[,] Проживает в Сахнов[щин]ском районе, Харьковской области. Работает акушеркой в райбольнице.

[signature of V. Pokotylo]

¹ Армейский запасный стрелковый полк – transcriber's note.

[ark. 9zv:]

Внешние приметы: Среднего роста, худощавый, шатен.

Когда и кем арестован: ОКР² “СМЕРШ” 239 АЗСП
25 февраля 1945 года

Где задержан под стражей: В КПЗ³ ОКР “СМЕРШ” 239 АЗСП

Особые замечания: -

АНКЕТУ ЗАПОЛНИЛ: Следователь ОКР “СМЕРШ” 239 АЗСП

Капитан [*signature*]

/Зайцев/

25 февраля 1945 г.

---

² Отдел контрразведки – transcriber’s note.

³ Камера предварительного заключения – transcriber’s note.

[C09-B]

[ark. 42⁴:]

Протокол допроса
Обвиняемого Покотило Василия Федоровича
От 11 марта 1945 года⁵
Начало допроса в 11 ч. 30 м.

Вопрос:

Вам предъявлено обвинение в том, что вы будучи убежденным украинским националистом, сознательно уклонились от службы в Красной армии и остались проживать на оккупированной немцами территории. С первых дней занятия города Киева врагом, добровольно поступили работать в полицию и были зачислены в личную охрану городского бургомистра. В мае 1942 года выехали на подготовку в немецкую разведывательную школу в город Полтаву и по возвращении были зачислены на работу в городскую полицию. Исполняя обязанности вперед агента[,] затем следователя и старшего следователя[,] производили аресты советских граждан, избивали арестованных на допросах и лично расстреливали. В 1943 году вместе с немцами бежали с территории Советского Союза за границу, где до последнего времени сотрудничали с “СД”, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных 10й частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 IV - 43 года.

По предъявленному вам обвинению признаете себя виновным?

Ответ:

В предъявленном обвинении виновным себя признаю. Действительно[,] будучи враждебно настроен против Советской власти и разделяя полностью взгляды украинских националистов, я в августе 1941 года уклонился от службы в Красной армии, больше месяца скрывался у себя на квартире, дожидаясь прихода немцев.

19 сентября 1941 года немцы заняли город Киев, в 1-2го октября я уже состоял на службе в щуц-полиции, куда я пошел [ark. 42zv:] добровольно, имея желания своей работой вместе с немцами участвовать в разгроме Советской власти.

Почти сразу же меня назначили в личную охрану бургомистра городской управы Богазия [sic⁶]. Исполняя эту обязанность я постоянно находился у Богазия, с целью предотвращения покушений на его жизнь. В конце ноября 1941 года за пьянку и грубость с немецким офицером я был переведен на работу в гараж горуправы.

В марте 1942 года гараж был расформирован и я некоторое время был без работы, а в мае 1942 года установил связь с немецкой разведкой и выехал на подготовку в разведывательную школу в город Полтаву. Так как эта школа готовила шпионов для заброски в тыл Красной армии, а я на такую работу итти побоялся[,]

⁴ This page and its back (Ukr.: arkush zvorotnyi) are signed by Vasyl Pokotylo, as are the other pages with interrogations transcribed below – transcriber’s note.

⁵ Hereafter, V. Pokotylo was also interrogated on March 14 (doc. C09-C below), March 17, April 26, May 5, May 18 (doc. C09-D below), July 25, July 27; and he testified at his tribunal on September 10, 1945, of which only the verdict appears here (doc. C09-E below) – transcriber’s note.

⁶ Here and further on, the records of the pre-trial interrogations of Pokotylo render the name Багазий mistakingly as Богазий – transcriber’ note.

поэтому я из школы ушел не закончив курс обучения и вернулся Киев. Сразу после возвращения в Киев я поступил работать в полицию, где исполняя обязанности первое время агента, затем следователя и старшего следователя занимался выявлением советских граждан, партизан, коммунистов и евреев, производил аресты выявленных лиц, допрашивал арестованных, добиваясь путем личного избиения их, нужных мне показаний и лично расстреливал. Расстрелян мной был один советский гражданин.

В сентябре 1943 года в результате наступления Красной армии я вместе с полицией и “СД” бежал в Западную Украину. Во Львовском “СД” я как полицейский получил назначение в город Брошнев, где меня зачислили работать вперед табельщиком, а затем охранником на завод. Работая табельщиком я выявлял рабочих, которые курили во время работы и по моим доносам им не выдавали полностью пайка продуктового.

[ark. 43:] В июне 1944 года я вместе с заводом эвакуировался в Добромиль, а оттуда в Словакию, где устроился работать у одного хозяина. Здесь я уже никакой связи с “СД” не имел.

Подробно о всех совершенных мной преступлениях я расскажу на следующем допросе.

Записано с моих слов верно и мной прочитано.

[signature of V. Pokotylo]

Допрос окончен в 21 час
Допросил: Ст. следов. УКР⁷ “СМЕРШ” 4го Укр. фр.
Капитан.
[signature]
(Куркова)

---

⁷ Управление Контрразведки – transcriber’s note.

[C09-C]

[ark. 44:]

Протокол допроса
Обвиняемого Покотило Василия Федоровича

От 14 марта 1945 года.

Покотило В.Ф., 1914 года рождения,
уроженец и житель города Киева,
украинец, гр-н СССР, из семьи
служащего, б/п, со средним
техническим образованием, до войны
бригадир электромонтер завода им.
Дзержинского
Начало допроса в 10 часов.

Вопрос:

Материалами следствия установлено, что вы с первых дней войны изменили родине и занимались предательской деятельностью. Чем объяснить, что вы будучи гражданином Советского Союза пошли на измену родине?

Ответ:

На измену родине и совершение разного рода предательства я пошел сознательно в силу имевшихся у меня враждебных отношений к советской власти и националистических убеждений. Участвуя, вместе с немцами в истреблении, преданных советской власти людей, я сознавал, что приношу пользу врагу, поставившему своей целью разгром Советского Союза, в чем заинтересован был и я.

Вопрос:

С какого времени у вас появились антисоветские настроения?

Ответ:

Впервые антисоветские настроения у меня появились в 1933 году под влиянием полученного в семье воспитания.

Вопрос:

Расскажите о формировании у вас враждебных отношений к Советской власти?

Ответ:

Родился я в городе Киеве в семье служащего. Отец мой Покотило Федор Васильевич работал казначеем в Киевском управлении гастронома. В 1923 году моя мать по девичьей фамилии Монисерон Ефросиния Григорьевна бежала от отца в Харьков и там вышла замуж за преподавателя украинского языка в высших учебных заведениях Кней Михаила Федоровича. В 1925 го[ark.44zv:]ду мой родной отец за растрату крупной суммы денег был арестован и осужден на 5 лет. После осуждения отца, мать забрала меня жить в Харьков, куда я переехал к ней из Киева в 1926 году. Отчим Кней Михаил

Федорович, с которым я стал жить, являлся убежденным украинским националистом и в таком духе воспитывал меня. Он постоянно говорил мне, что украинский народ находится под гнетом русских, засевших вместе с евреями в Советском правительстве, долго такое положение продолжаться не может, т.п.[,] скоро украинский народ восстанет, свергнет у себя советы и создаст самостоятельное государство. Особенно резко он стал выступать против Советской власти с началом коллективизации и в последующие тяжелые годы, когда на Украине в 1933 году был неурожай.

Наряду с воспитанием во мне националистических убеждений, отчим постоянно предупреждал меня о том, что делиться теми разговорами, которые он ведет со мной, ни с кем нельзя, т.к. кругом находятся агенты НКВД, которые тут же меня предадут.

В силу такого положения, я хотя имел первый период времени желание перепроверить свои и отчима антисоветские убеждения в разговорах с кем[-]либо другим, но предупреждения отчима останавливали меня от этого шага, поэтому враждебные взгляды у меня росли и крепились и к периоду 1933 года эти взгляды у меня окончательно сформировались. Я стал убежденным националистом, считая, что Украина должна быть самостоятельным государством, независимым от Советской власти.

С этими убеждениями я в 1936 году был призван служить в Красную Армию. Я был зачислен в 9ю военную школу летчиков и летчиков-наблюдателей в аэрофоторазведку. Новая работа меня заинтересовала и у меня было намерение честно нести службу, но в 1938 году я в пьяном виде проговорился о своих убеждениях и в мае был арестован особым отделом НКВД Харьковского военного округа. В процессе следствия, я хотя и признал факты проводимой мной антисоветской агитации, но освещал их в безобидном свете, ничего не рассказав ни о своих националистических убеждениях, ни о том воспитании, которое мне дал Кней. В результате моего такого поведения на следствии, мне путем неоднократного ходатайства о пересмотре дела, удалось отменить судимость 6 лет лагерей и три года поражения в правах и в январе 1941 года я был освобожден из под стражи.

Время содержания под стражей с мая 1938 года до января 1941 года несколько не перестроило моих убеждений, а наоборот укрепило мои националистические взгляды. Причиной укрепления моих националистических взглядов явилась встреча в тюрьме с видными украинскими националистами из Коломии и Львова. Они мне рассказали о существовании организации украинских националистов, которая ставит своей задачей вместе с немцами разгромить Советский Союз и создать на Украине самостоятельное государство. Они же мне говорили о предстоящей войне Германии против Советского Союза и о том, что украинцы в этой войне будут на стороне немцев. Рассказывали о том, что сейчас в довоенный период они ведут борьбу путем террора и диверсий.

Таким образом из тюрьмы я вышел человеком с еще большими националистическими убеждениями и кроме того был обозлен на Советскую власть, которая в течение почти три года продержала меня в тюрьме.

Вопрос:

К какому периоду времени относится установление вами организационной связи с "ОУН"?

Ответ:

Три года содержания в тюрьме сделали меня еще более осторожным человеком в обращении с людьми, поэтому сразу после освобождения искать организационных связей с ОУН я опасался. Украинские националисты, которые содержались со мной в тюрьме, фамилии их сейчас не помню, связей мне никаких не дали, толи [sic] потому, что мало меня знали и не совсем доверяли, толи [sic] потому, что они свою работу вели на территории, которая находилась до 1939 года у Польши, а я был из Киева. Отчим Кней, с ко[ark.45zv:]торым я обязательно бы установил связь, еще до моего освобождения в 1940 году был арестован органами советской власти. Кроме того установлению мной организационной связи с ОУН помешало начало войны.

Вопрос:

В чем вылилось ваше враждебное отношение к советской власти с началом войны Германии против Советского Союза?

Ответ:

Как только началась война, которой я очень обрадовался, я стал ждать прихода в Киев немцев, веря в то, что вот придут немцы и освободят нас от советской власти. С таким настроением я конечно не собирался итти служить в Красную армию, т.к. дожидаясь и желая разгрома Советской власти, я не собирался защищать ее в рядах Красной армии.

14 августа 1941 года Ленинским РВК города Киева я был призван в Красную армию и должен был отбыть на фронт. Из[-]за желаний быть полезным немцам, а не Советской власти, я из Красной армии дезертировал и больше месяца скрывался у себя дома, не выходя на улицу, дожидаясь прихода немцев.

19 сентября 1941 года немцы заняли город Киев и в первых числах октября я уже состоял на службе в щуц-полиции, куда был зачислен добровольно, как украинец.

Через 17-18 дней меня, как человека аккуратно исполнявшего обязанности полицейского, назначили работать в личную охрану городского бургомистра Богазия.

До охраны Богазия я стоял в нарядах по охране зданий полиции, тюрьмы, водил арестованных на допросы и производил аресты советских граждан.

Первый арест я произвел на Большой Житомирской улице, номера дома сейчас не помню. При вызове шеф полиции сказал мне, что по указанной выше улице проживает еврей и моей обязанностью является установить действительно ли этот человек еврей. Выполняя это указание я пошел по адресу и стал у соседней расспрашивать еврей ли их сосед, фами[ark.46:]лию его сейчас не помню, но они мне ничего говорить не хотели. Пойдя в квартиру, интересующего меня человека и расспросил домработницу, которая также определенного ничего не сказала. В квартире я дождался прихода с работы нужного мне человека. Проверкой документов я установил, что он значится немцем, работающим в одной военной части. Я этим документам не поверил и арестовал его[,] привел в полицию. В кабинете шефа полиции я произвел телесный осмотр арестованного и убедившись, что он еврей, сдал его в тюрьму.

Второй арест я произвел по Терещенковской улице дом N. 13. В полицию поступил донос, что в этом доме живет еврей под фамилией Козлов. Я вместе с другим полицейским явился по указанному адресу, просидели в засаде 3 или 4 часа, затем при появлении Козлова я проверил у него паспорт и произведя телесный осмотр, арестовал

Козлова и отправил в полицию. Оба арестованных мной евреи [sic] из полиции были отправлены в “СД”, где конечно их расстреляли.

Вспомнил еще один случай ареста мной советского гражданина. Однажды я брился в парикмахерской и услышал разговор об одном, сидящем на другом кресле клиенте, что он до немцев работал инспектором милиции, производил аресты дезертиров. Я вместе с этим человеком вышел из парикмахерской на улицу, остановил его и отвел в полицию, где он и был арестован.

За все эти случаи проявления с моей стороны инициативы в арестах советских граждан я и был назначен в личную охрану Богазия. Работая у Богазия я неотступно находился с ним, участвуя в разграблении еврейского имущества и в то же время продолжал заниматься выявлением и арестом евреев. Сейчас помню такой случай, однажды я вместе с другим телохранителем Богазия полицейским Барсовым Николаем шел по улице. Он случайно встретил своего знакомого еврея, видимо бежавшего из немецкого плена. Николай остановил его и несмотря на его просьбы, не передавать его немцам, т.к. он очень хочет жить, я и Николай арестовали его и сдали в полицию. За этот же период времени мной был [арк. 46zv:] выявлен и предан один работник НКВД. От соседей своего дома я узнал, по Покровской улице (Подол), в доме N 7 проживает работник НКВД. Фамилию его не знаю, но помню, что жена у него была Орлова Мария. Я заявил об этом человеке в полицию и он был арестован, а что с ним в дальнейшем было не знаю, но из тюрьмы он не вышел.

В последних числах ноября 1941 я на одном из банкетов у Богазия напился пьяным и при возвращении домой нагрубил одному немецкому офицеру, за что меня заключили под стражу. Через 6 дней меня выпустили, сняли с работы у Богазия и назначили работать в гараж при городской управе. В гараже я проработал до апреля 1942 года, затем гараж был расформирован вскоре после произошедших арестов немцами видных руководителей организации украинских националистов, претендовавших на создание на Украине самостоятельного государства. В числе арестованных немцами был и Богазия.

После ликвидации гаража я некоторое время был без работы, но 2 мая 1942 года я установил уже связь с немецкой разведкой[,] был ею завербован и отправлен на подготовку в школу разведчиков в город Полтаву.

Вопрос:

О вашей связи с немецкой разведкой вы будете допрошены позже, а сейчас рассказывайте о проводимой вами предательской деятельности за время последующей работы в полиции?

Ответ:

Возвратившись из разведывательной школы, я в июне 1942 года оформился на работу в городскую полицию безопасности в агентурный отдел. В задачу агентов, находившихся в этом отделе, входило путем общения с гражданским населением города выявлять партизан, евреев, советских парашютистов и незарегистрированных коммунистов.

Кроме того[,] в нашу же обязанность входило участвовать в арестах вышеуказанной категории лиц, в засадах на них же. Все лица, работавшие в агентурном отделе полиции числились официальными сотрудниками [арк. 47:] но ходили всегда в

гражданской одежде. В агентурном отделе я проработал с июня по сентябрь 1942 года, за это время неоднократно участвовал в засадах на партизан и производил аресты. Первая засада, в которой я участвовал, была организована на Печерске, около Миллионной улицы. Там в одну квартиру должно были появиться партизаны. Агенты парами менялись через определенное время, находясь в засаде на этой квартире. За время моего дежурства в эту квартиру никто не появлялся, поэтому мне задержать партизан не удалось. Но во время дежурства сменившего меня агента, туда пришел партизан, его задержали, но он бросил в голову агента графин, бежал.

Второй раз я находился в засаде на партизан, тоже на Печерске[,] только по другой улице, название ее сейчас не помню. Там мне тоже задержать никого не удалось.

Третий раз я сидел в засаде на партизан по Красноармейской улице в доме N 81 на 3м этаже и четвертый раз я в засаде был на Горьковской улице в доме 145 или 147. Обе эти засады прошли безрезультатно, т.к. партизаны не появлялись.

Кроме засад я использовался на установке по заданию следователей, интересующих их адресах и проживающих там лиц, и неоднократно участвовал в арестах.

Из производимых мной арестов сейчас помню, арест 6 человек на Демеевке. Там в одном доме была убита переводчица немецкой воинской части. После ее убийства полицией была проведена операция по аресту лиц, имевших отношение к убийству. Я в этой операции принимал участие, арестовано было 6 человек, но что это были за люди и что с ними стало я не знаю, т.к. в тот период к следствию отношения не имел.

Других случаев производимых мной арестов сейчас не помню.

В сентябре 1942 года я из городской полиции был переведен на работу агентом в Богдановский район полиции и проработал там 4,5 месяца. За это время я систематически использовался следователем [ark. 47zv:] на установке интересующих его адресов, производил аресты советских граждан, которых насколько я сейчас помню, было три[,] и занимался выявлением евреев. Причем должен заметить, что из двух выявленных мной евреев ни одного арестовать не пришлось, так как они оба оказались тайными агентами "СД".

В январе 1943 года меня перевели в Ярославский район полиции[,] где я первое время был агентом, а затем меня повысили, назначили на должность следователя. В этом районе работала на немцев конфектная фабрика и бойня. Задачей районного отделения полиции было следить, чтобы советские люди, работавшие на этих двух предприятиях ничего не могли взять из выпускаемой для немцев продукции.

Всего за время работы в этом районе мной было арестовано 6 человек советских граждан, я вел следствие по этим делам и после окончания расследования передавал дела в городскую полицию для принятия решения.

В марте 1943 года меня вызвал шеф полиции и предложил занять должность старшего следователя в железнодорожном районе. Работая здесь я также занимался истреблением советских граждан. В моем производстве, как правило, находилось до 10 следственных дел. Лица, проходившие по этим делам в качестве обвиняемых, виновны были лишь в том, что не имея средств к существованию, в силу установленного немцами на оккупированной территории "нового" порядка, занимались кражами.

Кроме того, в железнодорожном районе, я как и в других районах занимался выявлением еврейского населения. Помню мной был выявлен один старик еврей, который после ареста из-за желания жить не хотел признавать свою национальность. Я этого человека кулаками и резиновой палкой бил до тех пор, пока он не признался.

[ark. 48:] Помимо этого, я работая в железнодорожном районе, неоднократно выполнял специальные указания шефа полиции по аресту советских граждан. Мной было произведено три ареста по указанию шефа. Что это были за люди и в чем их обвиняли я не знаю, т.к. после производства их ареста, они немедленно отправились в полицию и оттуда уже не возвращались.

В августе 1943 года меня перевели ст. следователем во Владимирский район, где я кроме ареста и следствия по делам лиц, занимавшихся кражами[,] и выявлением евреев, занимался арестом коммунистов.

В сентябре 1943 года в связи с успешным продвижением частей Красной армии, немцы производили аресты всех, даже и зарегистрировавшихся у них коммунистов. Я участвовал в этой операции и как человек, хорошо знающий железнодорожный район города был послан туда на изъятие коммунистов. В этой операции лично мной было арестовано 10 или 12 человек членов партии.

Операцией по изъятию коммунистов руководило “СД” и всех арестованных в этот раз лиц мы отправили в “СД”, а что с ними дальше было я сказать не могу.

Эта операция была последним моим предательским действием, т.к. в этом же месяце вместе с немцами бежал из Киева и продолжал заниматься предательством уже на территории Западной Украины.

Вопрос:

Расскажите, где производились расстрелы советских граждан в Киеве и какое участие вы принимали в этих расстрелах?

Ответ:

С первых дней оккупации Киева немцами начались массовые расстрелы советских граждан. Только за последние дни сентября 1941 года было расстреляно около 50 000 человек евреев и комиссаров Красной армии. Расстреливали эту массу людей в Лукьяновке около еврейского кладбища в так называемом “бабьем яру”. Перед расстрелом вся территория “бабьего яра” была оцеплена “сс”овскими частями, с точным расчетом, чтобы туда никто не мог проникнуть. Для закопки трупов на место расстрелов взяли [ark. 48zv:] из лагеря военнопленных. Обреченных на расстрел людей партиями пускали бежать вдоль яра и из пулемета расстреливали. После расстрела первой парти[и], военнопленным предложили скинуть трупы в яр и немного присыпать землей, но они оцепенев от ужаса не двигались с места. Тогда пулеметной очередью расстреляли часть военнопленных, после чего оставшиеся в живых стали стаскивать трупы в яр и засыпать их. Вслед за первой партией, расстреливали следующие группы. Исключение делали только лишь ответственным советским работникам и комиссарам[,] которых раздевали и заставляли бежать по одному вдоль яра. А в это время немец из снайперской винтовки расстреливал их. После окончания расстрела, когда военнопленные засыпали землей яр, то под их ногами земля колыхалась, т.к. не все были убиты, а среди них были и раненные и вообще упавшие от страха.

После первого массового расстрела, начались систематические расстрелы, но уже меньшими группами

Первый расстрел, в котором я принимал [sic] участие, произошел в октябре 1941 года в 10 числах. Шеф полиции предложил группе полицейских, в том числе и мне, отвести 20 человек арестованных евреев в “СД” и там получить дальнейшие указания. Когда мы прибыли с арестованными в “СД”, нам было дано указание в расстреле их. На машине мы привезли свои жертвы в “бабий яр”. Там предложили им выкопать яму и когда она была готова, мы сняли со всех верхнюю одежду и построив в шеренгу, расстреляли всех. Причем полицейских было 10 человек и каждому из нас пришлось расстрелять по два человека. Я лично в этот раз расстрелял из ногана [sic] одного мужчину и женщину.

Примерно через 5 дней после первого расстрела, я принял участие в расстреле новой группы в количестве 35 человек. В эту группу входили арестованные партизаны, работ[ark.49:]ники НКВД и евреей [sic], причем среди евреев находились дети в возрасте от 3х до 10 лет.

Из “СД” мы эту группу привезли в “бабий яр”, заставили мужчин и здоровых женщин вырыть яму. Когда она была готова, мы отобрали у женщин детей и построив [sic] взрослых на краю ямы, расстреляли их из пистолетов. Вслед за взрослыми расстреляли залповым огнем детей, причем детей младшего возраста расстреливал немец, а немного старшие – мы. В этот раз я пострелял 3-4 человека.

После перевода меня работать в личную охрану Богазия, я вместе с ним стал ездить на расстрелы. Таких поездок было три. Первый раз было расстреляно 100 человек, куда входили евреи, военнопленные и партизаны. Расстрел производился в “бабьем яру”, стреляли немцы из пулемета. Закапывали трупы, привезенные специально для этой цели военнопленные.

Второй раз я присутствовал с Богазия при расстреле более 200 человек советских граждан. Этот расстрел представлял ужасную картину. Когда расстреливали мужчин, то женщины и дети стояли в стороне и наблюдая происходящее[,] падали без чувств. Когда подошла очередь расстреливать женщин, то у них стали отнимать детей, но они не отдавали. Тогда немец силой вырывал ребенка[,] расстреливал его, а затем стрелял в мать. Женщины дико кричали, молили о пощаде. После расстрела немец ходил по рву и достреливал из автомата, упавших ранеными и от испуга.

Третий раз я присутствовал с Богазия на расстреле группы более 300 человек, среди которых были женщины, дети и мужчины. Женщины и дети были еврейской национальности. Расстреливали их также как и предыдущую группу. Я на этих трех расстрелах личного участия не принимал [sic], а будучи в личной охране Богазия, вместе с ним наблюдал всю [ark. 49zv:] картину происходящего.

В июле 1942 года, когда я снова стал работать в городской полиции, мне опять приходилось ездить на расстрелы и принимать личное участие. Таких случаев я сейчас помню два. Первый раз было расстреляно 75 человек евреев, партизан, парашютистов и военнопленных, среди которых были и женщины.

Всю группу 75 человек на двух автомашинах мы привезли в “бабий яр”, где заставили их вырыть ров, после чего партиями расстреляли всех. В этот раз все работники полиции “СД” были снабжены автоматами и расстрел производили залповым огнем.

В конце июля 1942 года во время моего дежурства в полиции был выделен наряд работников полиции, которым предложили отвести группу арестованных, примерно 25 человек, в “СД”. Когда мы привели своих арестованных в двор “СД”, то там стояло четыре машины, на которые мы посадили приведенных арестованных. На эти же машины работники “СД” посадили своих арестованных. Всего в этот раз мы возили на расстрел 120 человек. Среди этой группы были мужчины, женщины и дети. Причем среди женщин и детей находились лица и русской национальности.

Всю эту группу мы привезли в “бабий яр” и обнаружили там один ров еще не совсем заполненный трупами от предыдущих расстрелов, выстроили своих арестованных на краю этого рва и залповым огнем из автоматов расстреляли всех. Женщин и детей расстреливали после мужчин, причем дети были разных возрастов от 2х – 3х лет и выше. Маленьких детей, которые не уходили с рук матери, расстреливали вместе [с] матерями. А тех, которые были немного побольше, ставили вместе со взрослыми на краю рва. Закапывали ров после расстрела военнопленные, которые недалеко от еврейского кладбища, содержались в лагере.

[ark. 50:] С переходом меня на работу в район в массовых расстрелах мне не приходилось участвовать, но одиночные расстрелы были.

Помню такой случай, когда я работал страшим следователем в железнодорожном районе, комиссар городской полиции дал мне задание произвести арест одного человека, проживающего по какой улице не помню, во Владимирском районе. Я вместе со следователем Григорьевым пришли по данному нам адресу и устроили засаду. Через некоторое время в квартиру явился человек, которого мы должны были арестовать. Увидев нас он попытался бежать, но мы его тут же убили из пистолетов.

Других случаев моего участия в расстрелах советских граждан я сейчас не помню.

Вопрос:

Перечислите, известных вам работников полиции, занимавшихся истреблением советских граждан?

Ответ:

В Киевской городской полиции я проработал почти весь период оккупации. За это время руководящий состав полиции несколько раз менялся, так как немцы первый период оккупации преследуя украинских националистов бандеровского направления, часто производили аресты и расстрелы руководящего состава полиции.

В последний период времени в полиции работали:

1. Шеф полиции Маяковский, Вадим Вячеславович, 45 лет, украинец, житель города Киева, до войны работал в киевской прокуратуре защитником. До работы в полиции он являлся заместителем юридического отдела городской управы. Являясь шефом полиции он руководил всем производимым истреблением советских граждан. В момент эвакуации немцев из Киева он оставался в городе с группой работников по какому-то специальному заданию “СД” и после выполнения его бежал в Польшу в город Лицманшавт [sic].

Вн. прим: Низкого роста, худощавый, волосы темнорусые, немного вьются, лицо немного продолговатое.

2. Комиссар политического отдела полиции Цалаванский Вадим Родионович, более 50 лет, житель Киева, до войны в период [ark. 50zv:] 1922-1935 работал в административном отделе милиции, что в последующее время делал я не знаю. В полиции работал с 1942 года, первое время являлся референтом отдела краж, затем назначен комиссаром политического отдела. Руководил работой по борьбе с партизанами, по выявлению коммунистов, советских разведчиков и евреев. В сентябре 1943 года бежал из Киева вместе с немцам.
Вн. прим: Ниже среднего роста, волосы седые, носит бакенбарды, спереди на верхней челюсти нет 4х зубов.
3. Комиссар отдела убийств Пилипенко Николай Николаевич, около 30 лет, уроженец, житель г. Киева. До войны являлся студентом какого-то высшего учебного заведения, репрессировался органами Советской власти по 54 статье. Работая в полиции руководил отделом, занимавшимся расследованиям краж и убийств. В сентябре 1943 года бежал вместе с немцами.
Вн. прим: Выше среднего роста, волосы русские [sic], лицо красивое, глаза темные, говорит басом.
4. Комиссар отдела агентуры Горбочевский Алексей Федорович, 42-43 лет, житель Киева. До войны работал машинистом паравоза, арестовывался по 54 статье. В полиции руководил отделом агентуры, который занимался выявлением коммунистов, партизан, советских разведчиков и евреев. В сентябре бежал с немцами.
Вн. прим: Среднего роста, плотного телосложения, волосы русские [sic], глаза светлые.
5. Комиссар отдела краж Кулиш Кузьма, отчество не помню, 58 лет. Житель Харькова, чем занимался до войны не знаю, но мне известно, что еще до войны 1914 года он уже работал мировым судьей. В Киев прибыл всвязи [sic] с эвакуацией Харькова. В сентябре 1943 года бежал с немцами.
Вн. прим: Высокого роста, волосы седые, есть лысина, носит усы.
6. Комиссар отдела краж Анисин Николай Федорович, 38-40 лет, житель Киева, по образованию юрист, где работал до войны не знаю. В сентябре 1943 года бежал с немцами.
[ark. 51:] Вн. прим: Среднего роста, худой, волосы темнорусские [sic], есть лысина, носит очки.
7. Петровский Александр Кузьмич, 30 лет, житель Киева, что делал до войны не знаю. Работая в полиции руководил работой трех районов полиции Подольским, Софиевским и Куриневским [sic]. В сентябре 1943 года бежал с немцами.
Вн. прим: Высокого роста, волосы и глаза черные, нос ровный с небольшой горбинкой, широкоплечий.
8. Ольшамовский Николай Васильевич, 1912 года рождения, киевлянин, до войны работал шофером. В полиции являлся старшим агентом, следователем политического отдела и последнее время руководил работой трех районных отделов полиции Ярославским, Владимировским, Железнодорожным и Святошенским [sic]. В сентябре 1943 года бежал с немцами.
Вн. прим: Высокого роста, худой, волосы русские [sic], глаза светлые.

9. Желиховский Василий, 36-38 лет, киевлянин, до войны работал в пожарной команде. В полиции являлся старшим уполномоченным политического отдела, руководил всеми операциями по аресту и расстрелу советских граждан. В сентябре 1943 года оставался в Киеве с группой шефа, а затем бежал.
Вн. прим: Среднего роста, худощавый, черные волосы, глаза темные. При отступлении из Киева был ранен советскими танкистами в ногу.
10. Амбросьев Василий Николаевич, 40 лет, киевлянин, до войны в какой-то команде играл в футбол. В полиции работал старшим агентом политического отдела, руководил выявлением советских граждан. Награжден немцами медалью. Перед отступлением оставался с группой шефа для выполнения спецзадания, затем бежал.
Вн. прим: Среднего роста, худой, волосы темные на висках седые.
11. Складной Николай, около 30 лет, киевлянин, до войны окончил Киевский университет. В полиции работал старшим следователем отдела краж. В сентябре 1943 года бежал с немцами.
Вн. прим: Высокого роста, худой, волосы черные, лицо скулистое, лицо грубое.
12. Савченко Андрей, 28-30 лет, киевлянин, до войны преподавал физкультуру в средних учебных заведениях. В полиции работал следователем политического отдела, специально по евреям. В сентябре 1943 года бежал.
[ark. 51zv:] Вн. прим: Низкого роста, широкоплечий, русые [sic] волосы, глаза голубые.
13. Кунц Иван, 1912-1914 года рождения, киевлянин, до войны работал шофером. В полиции был старшим агентом, работая по выявлению партизан и евреев. Перед отступлением оставался с группой шефа.
Вн. прим: Среднего роста, худой, волосы русые [sic].
14. Скжепа Иван Кириллович, 1918 года рождения, киевлянин, до войны работал поваром ресторанов. В полиции работал страшим агентом и являлся адъютантом шефа. Участвовал во всех крупных операциях по аресту и расстрелу советских граждан. Награжден немцами медалью. Оставался с группой шефа.
Вн. прим: Среднего роста, плотного телосложения, волосы и глаза темные.
15. Соломенко Николай, 1914 года рождения, киевлянин, до войны работал преподавателем где-то в районе. В полиции работал с 1942 года, являлся ст. агентом, участвовал в операциях по аресту советских граждан, за что награжден немцами медалью. Перед эвакуацией оставался с группой шефа.
Вн. прим: Среднего роста, волосы темно-русые [sic], глаза темные.
16. Федоров Николай, около 40 лет, киевлянин, что делал до войны не знаю. В полиции работал ст. следователем Ярославского района. В сентябре 1943 года бежал вместе с немцами.
Вн. прим: Среднего роста, полный, глаза и волосы черные.
17. Григорьев Борис Дмитриевич, 40-45 лет, житель Киева, до войны работал инженером-механиком на каком-то заводе. В полиции работал ст. следователем железнодорожного района, участвовал в арестах и расстрелах советских граждан. В сентябре 1943 года бежал вместе с немцами.
Вн. прим: Среднего роста, волосы седые, глаза светлые, худой.
18. Терпило Андрей, 1912 года рождения, житель гор. Триполье, отец его служил в банде "Зеленого", сам он до войны содержался в тюрьме по 54 статье. В

полиции работал ст. следователем Куриневского [sic] района. В сентябре 1943 года бежал из Киева.

Вн. прим: Среднего роста, коренастый, глаза и волосы, цвет лица смуглый. [ark. 52:]

19. Корбут Иван, 55 лет, житель города Киева, до войны работал на каком-то военном строительстве, офицер петлюровской банды. В полиции работал первое время ст. следователем Богдановского района, затем ст. следователем отдела “убийств”, участвовал во всех проводимых немцами операциях. В сентябре 1943 года бежал с немцами.

Вн. прим: Среднего роста, полный, глаза и волосы черные.

20. Корбут Михаил Антонович, 62 года, житель Киева, что делал до войны не знаю, в полиции работал следователем в каком отделе не помню. В сентябре 1943 года, как женатый на немке, вывезен в Германию.

Вн. прим: Ниже среднего роста, шатен, сгорбленный, глаза светлые.

21. Малов, имени не знаю, 52-54 лет, житель Харькова, был поручик [sic] деникинской армии, до 1938 года работал управдомом, зат. был посажен в тюрьму по обвинению в участии в какой-то офицерской организации, в 1940 году освобожден. В полиции работал следователем в гор. Харькове, эвакуировался в Киев, где также продолжал работать следователем. В сентябре 1943 года бежал из Киева.

Вн. прим: Среднего роста, худой, обрюзглый, пользуется искусственными челюстями, при разговоре гнусавит, на щеке какой-то никогда не заживающий шрам.

Других работников сейчас по фамилии не помню.

Вопрос:

Назовите лиц, работавших тайным агентами полиции?

Ответ:

В полиции кроме официальной агентуры была целая сеть осведомления. Осведомителями работали, как правило[,] все домоуправы и мелкие торговцы. По фамилиям я назвать осведомителей не могу, т. к. не помню. Работая в железнодорожном районе ст. следователем я сам лично произвел вербовку одной женщины в качестве осведомителя. Фамилия этой женщины кажется Петренко[,] имя Евдокия, 23-25 лет. При немцах она торговала на рынке хлебом и самогонкой и одновременно по моим заданиям занималась выявлением партизан и евреев. Первое время она регулярно посещала меня раз в неделю, затем встречи стали реже и когда я был переведен в другой район, связь с ней прекратилась. За время нахождения [ark. 52zv:] ее у меня на связи, мне выявить кого-либо из партизан или евреев через нее не удалось.

Вн. прим: Среднего роста, худощавая, черные волосы и глаза. Имела бти летнюю дочь, проживала на Соломинке [sic], ул. Большая дом 7 или 9.

Кроме этой женщины у меня на связи был осведомитель старик-самогонщик Кузьма Ильич Лисинский, проживал на Большой ул. д. N 48 в каменном кирпичном доме. Держал лоток с овощами и мелкими товарами на той же улице в доме N 4. Так как он более 40 лет проживал на Большой улице и хорошо знал жителей района, я ему

давал задание прислушиваться какие разговоры ведут покупатели, нет ли среди них евреев и лиц, связанных с партизанами. Интересующих меня лиц через этого осведомителя, выявить не удалось.

Вн. прим: Низкого роста, худой, лицо продолговатое, нос острый, носит усы и маленькую бородку, волосы седые.

Других агентов-осведомителей я сейчас по фамилиям не помню, знаю что это были домоуправы.

Вопрос:

А кого из тайной агентуры “СД” вы знаете?

Ответ:

Со слов адъютанта [*sic*] шефа полиции Скжепа Ивана мне известно, что в Киеве все держатели ресторанов и крупные торговцы являлись тайными агентами “СД”, но по фамилиям я из этой категории лиц назвать никого не могу.

Кроме того работая в полиции мне дважды пришлось столкнуться с агентами “СД”.

В октябре 1942 года во время работы в Богдановском районе мне поступил донос, что на бульваре Шевченко в доме N 5 на втором этаже проживает еврей. Я явился в этот дом задержать еврея, фамилию его не помню, и привел к себе в отделение полиции. Здесь он предъявил нам документы, как на крещеного еврея, но мы ему не поверили и повели в “СД”. При появлении этого еврея в “СД” меня выгнали, а он остался. А через несколько дней я снова встретил этого еврея на улице, при[ark.53:]чем он совершенно спокойно здоровывался [*sic*] со мной. Официально этот еврей работал у себя на дому портным, а какую работу вел в “СД” я не знаю.

Вн. прим: Ниже среднего роста, волосы рыжие, на вид ему около 50 лет, лицо в морщинах красноватого цвета. Из членов семьи имел только жену.

Второй раз мне пришлось столкнуться с агентом “СД” зимой 1942 года, когда в отделение полиции Богдановского района был приведен еврей, фамилию его не знаю. По документам он числился евреем и работал в каком-то хозяйстве немецким агентом по снабжению. Проживал под Киевом.

В полиции этот еврей с нами разговаривать не захотел, а потребовал отвести его в “СД”. В “СД” еврей сразу по[-]немецки обратился к дежурному, после их разговора у меня забрали документы и предложили уходить.

Больше я этого еврея не встречал.

Вн. прим: Высокого роста, на вид 50 лет, волосы черные с сединой, плотного телосложения.

Других случаев встречи у меня с агентами “СД” не было.

Записано с моих слов верно и мной прочитано.

[*signature of V. Pokotylo*]

Допрос окончен в 2 ч. ночи.

Допросил: ст. Следов. УКР “СМЕРШ” 4го Укр. фр.

Капитан [*signature*]
(Куркова)

[C09-D]

[ark. 79:]

Показания обвиняемого Покотило Василия Федоровича
18 мая 1945 г.

Допрос начат в 20.40.

Вопрос:

Вами подано заявление с указаниями на то, что в процессе следствия на допросе в Управлении Контрразведки “Смерш” 4го Украинского Фронта под физическим воздействием – избиванием дали вымышленные показания. По существу данного заявления дайте следствию исчерпывающие показания?

Ответ:

14 марта 1945 года во время допроса меня следователем-женщиной, в звании капитана, фамилии ее не знаю, в комнату вошел офицер в звании полковника и принял участие в допросе. В процессе допроса полковник заявил, что ему известно о моем участии в массовых расстрелах советских граждан в г. Киеве в “Бабьем Яру” и предложил мне дать по существу показания. После того как я стал отказываться и стал заявлять ему, что в расстреле советских граждан в г. Киеве в “Бабьем Яру” [участие] не принимал, полковник начал меня избивать, нанося удары кулаками по лицу, голове, а также [ark. 79zv:] ударил дважды носком сапога в живот. Под данным физическим воздействием я вынужден был дать следователю вымышленные показания о своем личном участии в массовых расстрелах советских граждан в г. Киеве в “Бабьем Яру”, а также о присутствии на таковых совместно с бургомистром г. Киева – немецким ставленником Богазия. В действительности участия в расстрелах советских граждан в “Бабьем Яру” я никакого не принимал и с Богазия также на расстрелы не выезжал. Все остальные данные мною показания на следствии правдивы и соответствуют действительности. Подробности о массовых расстрелах – уничтожения советских граждан в “Бабьем Яру” г. Киева изложенные на допросе 14 марта с/г. стали мне известны со слов одного из охранников городской Управы по имени Федора, фамилия коего мне не известна.

Допрос окончен в 23.00.

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочитано в чем и расписываюсь.

[signature of V. Pokotylo]

Допросил: Зам. Нач. 1 отделения 1 отдела
ГУББ НКВД СССР полковник
[illegible signature]

[C09-E]

[ark. 129:]

ДЕЛО № 0855

Пост. – 4.IX-45 г.

Возб. 10.III[-]45г.

II.3 – 7.IX-45 г.

Пр[.] Соверш[.] Август 1941года

ПРИГОВОР N 667

Именем Союза Советских Социалистических Республик

10 Сентября 1945 года, Военный Трибунал Киевского гарнизона в составе председательствующего майора юстиции Парасунько и членов майора Пинчук и курсанта Некрасова при секретаре ст. лейтенанта юстиции [illegible] € ~~участием~~

в закрытом судебном заседании в [illegible] [illegible] рассмотрел дело по обвинению Покотило Василия Федоровича, 1914 г. рождения, уроженца г[.] Киева, служащего, украинца, беспартийного, со средним техническим образованием, женатого, ранее не судимого, – в преступлении предусмотренном ч I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. данными предварительного и судебного следствия установлено:

Подсудимый Покотило[,] будучи враждебно настроен к советской власти, в августе месяце 1941 года уклонился от мобилизации в Красную Армию и скрывался до оккупации немецкими войсками города Киева[.] С приходом немецких войск, Покотило[,] изменив родине, добровольно поступил на службу в полицию полицейским, сначала охранную, а затем с июня месяца 1942 года в Украинскую полицию безопасности.

Находясь на службе в полиции, Покотило в 1941 году охранял арестованных, водил на допросы и [illegible] [illegible]. В этот период времени лично задержал двух граждан еврейского национальности и сдал в полицию, предал работника НКВД и арестовал бывшего инспектора милиции – судьба их неизвестна.

В 1942 году Покотило поступил на службу в полицию безопасности г. Киева на должность агента[,] где неоднократно участвовал в задержании [ark. 130:] советских граждан, установлении лиц живущих [illegible], выявлении лиц живущих без прописки, а также в засадах на советский актив – партизан и коммунистов. В период службы агентом полиции Покотило предал свыше десять человек советского актива. В июли [sic] м. 1942 году Покотило дал подписку о работе в немецкой военной разведке в связи с чем был направлен в г. Полтаву в школу разведчиков, но через время был отчислен.

За хорошую службу в полиции, Покотило в январе 1943 года был назначен следователем, а спустя два месяца старшим следователем полиции районов города, где им лично окончено свыше 16 дел на советских граждан. В этот период времени Покотило участвуя в засаде[,] сам лично убил советского гражданина [illegible] актива.

В сентябре 1943 г. Покотило вместе с другим служащим полиции арестовал 12 человек членов партии и сдал в немецкую политическую полицию. Таким образом

Покотило за время своей службы в полиции предал и арестовал свыше 30 человек советских граждан[,] судьба которых неизвестна.

Боясь ответственности за свое предательство Покотило эвакуировался на запад вместе с немцами но был арестован на территории Чехословакии. На основании изложенного Военный Трибунал признал виновным Покотило в совершении им преступлений предусмотренные ч I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.4.1943г. [и]

руководствуясь ст. ст. 296 и 297 УПК⁸ УССР

приговорил

Покотило Василия Федоровича, на основании ч I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. подвергнуть высшей мере уголовного наказания расстрелу, без конфискации имущества за отсутствие такового у осужденного[.]

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит[.]

Председательствующий [*signature of Parasun'ko*]

Члены 1. м. Пинчук⁹

2. [*illegible signature*]

C09-A, C09-B, C09-C and C09-D: transcribed by Tobias Wals

C09-E: transcribed by Tobias Wals and Karel Berkhoff

---

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс – transcribers' note.

⁹ It is unclear if this is a signature – transcribers' note.